

Айдар Хусаинов

Поэт, прозаик, переводчик, драматург, публицист. Родился в 1965 году в селе Кугарчи Зианчуринского района Республики Башкортостан. Живет в Уфе. Член Союза писателей России. С 2012 г. — главный редактор газеты «Истоки». С 2002 г. — руководитель литобъединения «УФЛИ», основатель литературного течения уфацентризм.

Стихи на Рождество

Вифлеем

Привыкнув к шороху светил,
Все открывавшему до срока,
Следили за движеньем сил
Цари далекого Востока.

Но встала на небе звезда,
А это — знак великой силы,
И значит, им идти сюда,
Хотя бы даже из могилы,

Поскольку люди всей земли
Так долго ждали это чудо.
Цари немедленно пошли
И гнали медленных верблюдов.

И через некое число
Они своей достигли цели.
Там было сухо и тепло,
Там овцы блеяли, там пели.

Там говорили, но теперь
Все потонуло в странном гуле.
И вот они открыли дверь
И осторожно заглянули...

* * *

Зачавшая в марте, предупрежденная с самого начала, спуская
Весну, лето и осень она родила дитя.

Было тесно и больно, опасность грозила с любой стороны.
И чтобы ее избежать, оставалось уйти из страны.

День был короток и светил отражением льда.
Ожидались большие по тем временам холода.

Но выпавший снег преградил им дорогу вовне.
Внезапно в пещере большой оказались оне.

И там с нею были отец, и волхвы, и животные разных пород.
И там, наконец, прекратился так долго тянувшийся год.

И там, наконец, прекратилась боль, которою каждый томим.
Младенец лежал в колыбели, и все было связано с ним.

Рождество

Декабрьской ночью, разгоня мрак,
Зажглась звезда, разжался вдруг кулак
И губы сами расплылись в улыбке.
И в этом не было ни драмы, ни ошибки,

А только жизнь, что снова началась.
Трещал огонь, неспешно речь велась,
Мотал петух кривою головою,
Дремали овцы, гордые собою,

Во сне ногами дергал чуткий мул,
Он так устал, едва-едва заснул.
В углу вздыхала тяжкая корова,
И жизнь, запнувшись, начиналась снова.

Во всем семействе один лишь только взгляды
Был обращен не влево, не назад,
А в точку ту, где птицей из гнезда
Сияла в небе яркая звезда.

И Он был прав, поскольку до конца
Мы понимаем в жизни лишь Отца.

Рождество II

Дитя открывает глаза и видит себя в хлеву.
Оно задается вопросом: «Неужто и я живу?
А где же мои собратья? Для них не взошла заря,
Зачем же в пути-дороге они повстречали царя?»
Сверкала его корона вперед человечьей молвы,
Она стесняла дыханье, она говорила «увы»,
Она как предел выжимала жар человеческих сердец,
Она вынимала жало. Потом наступал конец.

Дитя обнимает взором пространство вокруг себя,
Оно ощущает усталость спасавших его любя.
Оно видит все, что будет, — а будет немало бед,
Немало оборванных судеб, лихих, беспощадных лет —
Того, что хотелось иначе, чего бы совсем избежать,
И чтоб между злом и нами навеки легла межа.

Дитя, ощущая все это, среди наступающей тьмы
Решается жить на свете. За Ним решаемся мы.

* * *

В ночь на субботу, после похорон,
Когда на всех нисходит угомон,
Одна лишь мать глядит в седое небо,
Понять не в силах, отчего нелепым
Ей кажется такой привычный свет,
Где только сына в этом мире нет.

Ей кажется, что больше нет просвета,
Приди зима иль осень, или лето, —
Все бесполезно, странно, все равно,

И в грудь удар, что все предрешено.
И вот уже бездонное рыданье
Трясет опять устои мироздания.

Так безысходность тяжкою стопой
Приходит, чтоб нарушить наш покой,
Так волевым касанием страданье
Дает нам знать незвано о свиданье,
И не дает пощады никому,
И что нам дорого, то упадет во тьму.

И легкий, как виденье, луч рассвета
Так неуместен, он же не про это.
Тогда о чем он? Это свет звезды,
Окрасивший окрестные сады,
Дома вокруг, пустыню этой жизни.
Он вдруг явил — легко, без укоризны —

Картину дня среди зимы суровой:
Забытый хлев, блестящие обновы,
Трех странников смущенных на порог,
Все стряхивающих снег с своих сапог.
И сын в руках ее. Лепечет и поет.
Он весь теперь ее. Теперь он не уйдет.

Вот жизнь его опять пред ней проходит,
Она глядит, и глаз она не сводит,
И вновь текут счастливые года,
И он живой, и это навсегда.
И в жизни ничего не изменилось,
Когда творишь добро и расточаешь милость.

Пещера

И лампа мигала, и тень выступала
Во чреве пещеры, в потемках подвала.

Дышали невидимо люди и звери,
Прижавшись друг к другу во сне, как деревья.

И было так тихо, и было так странно,
Что мир раздвоился, как свежая рана.

Что слышались где-то глухие разрывы,
Что люди во сне говорили, как рыбы.

Вдруг дверь от удара раскрылась как надо,
И звуками мира влетела граната.

И трещина мира вошла, как змея,
В которой осколки инобытия.

И трое вослед ей вступили из мглы,
И стало понятно, что это волхвы.

Посланцы от Ирода, тень его тени,
Безумства и ярости хитросплетенья.

И зрелище им представало такое,
Когда охватило пространство покоя, —

Старик, рядом женщина-мать, на руках —
Младенец глядит, и в огромных зрачках

Себя они видят иными, другими,
Сменившими тело, сменившими имя,

И чувствуют счастье легко, без усилий,
Без гнева, который так долго носили.

Ведь зло торжествует одно лишь мгновенье,
Ушло — и приходит добро как спасенье.

И раны излечит, и в горе утешит,
Оружного смирит и конного спешит.

И станет граната плодами граната,
И станет пространство сияньем объято.

Окончится зло и наступит забвенье,
Когда лишь закончится это мгновенье.

Новый год

Лесов осеннее багряно-желто Знамя
Отшелестело с четырех сторон.
Под первый снег уложат нас рядами,
Под Новый год идет Армагеддон.

Кто нас любил, кто нас кормил руками,
Кто с нами спал, чей мы слышали стон, —
Те стали всадниками с красными крылами,
Под Новый год идет Армагеддон.

Ведь мы теперь на пажитях Господних,
Огнем невиданным сияет всякий взор.
Четыре всадника, умелых в деле сводни,
Мечом и стрелами отменят всякий вздор.

И встанет солнце Красное, как Знамя,
И Солнце красное, как облако, взойдет,
И с чудными волшебными плодами
Придет на землю снова Новый год.

Вся наша боль, вся кровь и униженье,
Вся наша боль и горе нелюбви,
Вся наша скорбь, все наше поражение —
Исчезнет все и влагою живи-

тельною Красною прольется.
Она собой насытит небосвод,
И первозданно жизнь опять начнется,
И вновь придет на землю Новый год.